

ЩИТ-9: ПРОТОКОЛ ВЫМИРАНИЯ

ЛИКА РУСАЛ

Ли́ка Ру́сал

Щит-9: протокол вымирания

<https://litres.ru/73582224>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сердце сибирской тайги «ЗАСЛОН» создаёт живое оружие будущего — рапторов, способных чувствовать и поглощать метан.

Но когда первый экземпляр по имени Эхо вырывается на свободу, становится ясно: он помнит не только вымирание 66 миллионов лет назад. Он помнит человека, которого Ирина Лазарева когда-то любила.

Теперь учёному предстоит решить: уничтожить проект вместе с надеждой спасти дочь или дать древнему эху шанс изменить будущее России.

Технологический триллер, где цена прогресса измеряется не в рублях, а в человеческих жизнях.

Лонг-лист конкурса "Инженеры слова" 2026г.

Содержание

Ночь сбоя	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Лица Русал

Щит-9: протокол вымирания

Ночь сбоя

В 2047 году Россия уже не боролась с климатом – она его приручила. Не потому, что человечество вдруг стало мудрее. Просто другого выхода не осталось.

После 2031-го сибирская мерзлота начала таять с такой скоростью, будто кто-то нажал кнопку ускоренной перемотки. Метан, веками запертый в гидратах и толщах почвы, вырывался наружу тысячами тонн в сутки, превращая воздух в ядовитый коктейль. Температура росла на 0,8–1,2 градуса каждые пять лет. Лесные пожары стали обыденностью. Уровень моря в Обской губе поднялся на полтора метра, затопив целые посёлки и заставив людей переселяться на возвышенности.

Правительство объявило чрезвычайное положение и открыло все карты частным оборонным холдингам:

– Спасайте страну. Методами не ограничиваем. Результат – любой ценой.

АО «ЗАСЛОН» из Санкт-Петербурга – компания, кото-

рая двадцать пять лет создавала бортовые радары для Су-57, квантовые процессоры для противоракетных комплексов и нейроинтерфейсы для лётчиков-испытателей – получила самый сложный и самый важный контракт в своей истории.

«ЗАСЛОН Био» – закрытое подразделение на плато Пурорана, в самом сердце Красноярского края. Официально – разработка «живых сенсоров» для мониторинга и нейтрализации парниковых газов. Неофициально – создание биологических систем двойного назначения. Они должны были не просто фиксировать метан, а активно его поглощать, перерабатывать и передавать данные в реальном времени через защищённые квантовые каналы прямо в спутниковую группировку компании.

Динозавры стали идеальным прототипом. Их предки пережили пять массовых вымираний, перестроили метаболизм под любые экстремальные условия, развили совершенную терморегуляцию и групповое поведение.

«Щит-9» – квантовый суперкомпьютер «ЗАСЛОНа», который раньше просчитывал траектории гиперзвуковых целей с точностью до сантиметров, – теперь моделировал филогенетические деревья, заполнял геномные лакуны и предсказывал поведение новых организмов с вероятностью ошибки меньше 0,3 %.

Ирина Лазарева пришла в проект пять лет назад. Ведущий генетик, доктор биологических наук, вдова. Ей было тридцать восемь, но усталость в глазах прибавляла десяток лет.

Она терпеть не могла слово «воскрешение». В служебных отчётах оно звучало сухо и точно: «реконструкция филогенетического сигнала с вероятностным заполнением пробелов».

Каждый вечер она оставалась в пультовой дольше всех. Нейрообруч «ЗАСЛОН-Нейрон» – тонкий титановый ободок – охлаждал висок, передавая картинку с сотен камер напрямую в зрительную кору. Иногда ей казалось, что она видит не только то, что происходит сейчас, но и то, что было миллионы лет назад: удар астероида, пыль в атмосфере, холод, который убил всё.

Эхо – первый, но не единственный, полностью жизнеспособный раптор – стоял в центре биореакторной камеры за бронестеклом толщиной в ладонь. Полтора метра в холке при выпрямленной стойке, шестьдесят килограммов сухой мышечной массы, перья цвета мокрого графита с металлическим отливом. Когти на задних лапах – длиной с кинжал, покрытые усиленным кератином, который резал кевлар как бумагу. В черепе – нейронная сеть на квантовом чипе, усиливающая естественные инстинкты.

Раптор должен был стать идеальным «глазом тайги»: чувствовать молекулы метана за десятки километров, передавать координаты стае, а стая – наводить дроны «Оса» на точечное уничтожение утечек. Но Ирина смотрела на него совсем не как на оружие. Она видела в нём шанс. Последний и единственный шанс для своей дочери.

Маше было всего девять лет. И уже третий год она на-

ходила в искусственной коме в медицинском блоке лаборатории. Прионовая болезнь – редчайшая мутация в белке PRNP, которая сворачивала белки мозга в нерастворимые комки быстрее, чем их успевали выводить любые препараты. Врачи в Москве давали максимум год. Ирина перевезла дочь сюда, на плато, потому что только здесь был полный доступ к «Щиту-9» и биореакторам высшего уровня.

Олег, её муж, поддерживал это решение до самого конца. Они познакомились в «ЗАСЛОНе» двенадцать лет назад. Он – инженер-квантовик, она – молодая генетик. Олег шутил, что его чипы делают людей быстрее мысли, Ирина отвечала, что её геномы делают людей живее. Свадьба через год, Маша – через два.

Олег носил дочь на руках, пел ей колыбельные про северное сияние и тайгу. Когда болезнь проявилась, он винил себя: «Я слишком много работал с излучением». Ирина винила себя: «Я слишком поздно заметила». Когда Олег пошёл на последний тестовый запуск чипа, она не остановила его.

– Это сделает нас сильнее, – сказала Ирина.

Последние слова по связи:

– Ир, если чип перегреется – перезагружай. Не бойся потери. Бойся, если ничего не изменится.

Потом была лишь тишина. «ЗАСЛОН» выплатил компенсацию семье и закрыл тему как «техническую неисправность». Ирина осталась одна с Машей и с тяжёлым чувством, что та же технология, которая отняла мужа, теперь может

спасти дочь.

В геноме реконструированных рапторов нашёлся древний ортолог – белок, устойчивый к прионной конформации. Он позволял предкам динозавров переживать стрессы, которые убили бы любой современный организм.

Ирина начала работать тайно. По ночам, когда лаборатория затихала, она запускала мини-реактор под своим столом. Синтезировала цепочки, моделировала на личном доступе к «Щиту-9», проверяла на культурах клеток из банка тканей. Пять месяцев назад появился первый стабильный флакон – два миллилитра сыворотки. Достаточно для одного введения.

Каждый раз, открывая личный сейф (кодом к которому служила дата рождения Маши), модель показывала риск побочных мутаций 1,2–1,8 %. Слишком высоко для ребёнка. Ирина ждала, корректировала последовательности, перезапускала расчёты.

Сегодня утром пришёл финальный отчёт: 99,97 % успеха. Побочные эффекты ниже статистической погрешности. Ирина сидела перед экраном и впервые за три года позволила себе заплакать. Сегодня или никогда.

Но даже с чистой моделью она не пошла в медицинский блок сразу. Знала: мониторинг Маши полностью интегрирован в корпоративную сеть «ЗАСЛОНа». Любое изменение биохимии крови вызовет тревогу уровня А-3. Служба безопасности прилетит через четыре часа. Сыворотку кон-

фискуют как объект интеллектуальной собственности. Ирину обвинят в саботаже. Лабораторию закроют. Проект свернут. Маша останется без шанса.

Она ждала момента, когда сможет ввести препарат и сразу стереть все следы одним нажатием на протокол «сброс био-реактора», который сама прописала на случай катастрофы. Момента, когда проект уже будет висеть на волоске и выбор станет неизбежным.

Ирина не сказала про свою разработку никому. Почти никому.

Слава Ковалёв появился в её жизни полтора года назад. Техник-бионик, высокий, сутулый, с вечными кругами под глазами и татуировкой «53⁰ с. ш.» на запястье – широта родного посёлка под Норильском. Посёлок теперь наполовину стоял в воде: мерзлота ушла, грунт просел, метан сочился из трещин. Младший брат Славы всё ещё жил там, в доме на сваях, дышал этой дрянью каждую ночь, кашлял чёрной мокротой.

Слава пришёл в проект не за деньгами.

– Если рапторы работают, – говорил он за завтраком в столовой, где пахло синтетическим кофе и озоном от генераторов, – брат хотя бы не будет кашлять кровью к сорока годам. А я буду знать, что помог.

Он был отличным техником: руки золотые, голова светлая. Когда Ирина однажды не выдержала после особенно тяжёлой смены и рассказала ему про Машу за чашкой остыв-

шего чая, Слава не стал утешать. Просто кивнул:

– У меня допуск ниже твоего, Ир. Но если что – я задержу отчёт на сутки. Прикрою. Никто не узнает.

Они стали почти друзьями. Не близкими, но теми, кто понимает друг друга без лишних слов. Иногда по вечерам выходили на край плато, смотрели, как солнце тонет за каньоном, и молчали. Это молчание казалось лучше любых разговоров.

Повседневность на плато была строгой и монотонной. Утро начиналось с проверки биореакторов: Ирина обходила камеры, проверяла параметры рН, температуру, уровень метаболитов. Потом – анализ данных с «Щита-9», корректировка моделей, отчёты в Питер. Днём – работа с культурами, синтез белков, тесты на малых образцах. Вечером – дежурство в пультовой, когда лаборатория затихала, а тайга за окном становилась чёрной и бесконечной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.